

Преемник

Песок был теплым, очень приятным на ощупь, соленая вода превратила его в мягкую послушную глину. Крепостная стена росла на глазах. Разноцветные камушки делали ее прочной, настоящей. Гуська смахнул с кончика носа каплю пота и радостно засопел. Рыцарский замок, с башнями, прочной стеной и рвом, наполненным водой, почти закончен. Последний штрих – надо поднять флаг над главной башней. Где-то здесь он видел красивый осколок раковины.

Мальчишка отряхнул с ладошек песок и оглянулся. Сердце тревожно стукнуло. Раз, другой... Человек Без Лица стоял под деревом и смотрел на его замок. Конечно же, он всегда здесь. Стоит о нем забыть, как тут же появляется. И смотрит. Гуська никогда не мог разглядеть его лица, как ни старался. И хотя Безликий ни разу не приблизился к нему, мальчик всегда ждал этого. Ждал и боялся, что это произойдет. Безликий шевельнулся, переступил с ноги на ногу и, словно нехотя, махнул рукой. За спиной Гуськи плеснула вода. Он стремительно обернулся и замер. Большой мяч, отсвечивая алым глянцевым боком, качался на морской волне.

Словно замороженный, Гуська шагнул к нему. Теплая волна ласково лизнула ступни, мяч шевельнулся, точно живой, приблизился и тут же отплыл. Еще шаг, еще. Гуська протянул руки и коснулся теплого гладкого бока. Песок под его ногами пришел в движение, расступился, и мальчишка с головой погрузился в теплую соленую воду. Острое сожаление от того, что мяч ускользнул, заставило его рвануться вперед. Он забил руками по воде, вынырнул, хватая солеными губами воздух, и больно ударился коленками о каменный пол.

Широкий коридор, серые стены, покрытые странными рисунками, с трудом различимыми в свете факелов, и алый мяч под ногами. Гуська, не веря своим глазам, потянулся к нему, а тот, вывернувшись из-под руки, покатился вперед. Вскочив на ноги, мальчишка бросился за ним.

Мелькали коридоры, повороты, факелы, босые ноги громко шлепали по холодным плитам, в голове не осталось ни одной мысли. Но и остановиться Гуська не мог. Мяч, катившийся впереди, тянул его, точно магнит.

Сегодня старик суетился больше обычного. Он выбрался из своего уютного кресла, в котором предпочитал проводить послеобеденное время, большими шагами мерил комнатуху, поминутно натываясь на стол и шкафы, размахивал руками. Седая борода встопорщилась, нос покраснел, очки запотели.

Я привычно устроился на лавке в углу и сделал заинтересованное лицо. Вообще-то я старика никогда не слушал. Талдычит себе под нос всякую ерунду, воображает себя великим учителем, ну и шут с ним. Чем бы дитя ни тешилось, как говорится. А сегодня, к тому же, я изрядно притомился. Крыша в наших хоромашках прохудилась, пришлось лезть на верхотуру, да не один раз. Пока инструменты затащил, потом материал, то да се. В общем, сейчас бы вздремнуть, так нет. Порядок нарушать нельзя. Приходится выслушивать очередной урок. Но, если честно, за эти полгода, что я живу у старика, толком ничему он меня не научил. Стар он, рассеян, начинает за здоровье, а заканчивает за упокой. Нырять в воспоминания, припоминает обиды, спорит с кем-то, злится. А потом в изнеможении засыпает. Вот тогда и можно уйти.

Но не сейчас. Сейчас он – мудрый наставник. Учитель. Великий маг, решивший напоследок воспитать преемника. А какой из меня преемник? Ну, не дурак, и грамоте обучен, и смекалкой Бог не обидел, но магическая премудрость никогда меня не прельщала.

А в ученики к старику пошел, можно сказать, из жалости. Одинок он. Народу-то в доме немерено, а поговорить ему не с кем. Слуги его побаиваются, а родственники только и ждут, когда благодетель копыта откинет, чтобы все его богатство к рукам прибрать. А тут я под руку подвернулся. Подрядила меня кухарка обручи на бочонках поправить. Ну, я и мастерила себе в сараюшке, что в дальнем углу огромного сада приютилась, под нос песенку насвистывал да прикидывал, как ловчее к кухаркиной дочке под бочок подкатиться. Тут он и нарисовался собственной персоной. Подошел к верстаку, сверкнул очками, оглядел меня с ног до головы и, не говоря ни слова, прочь пошел. А на пороге оглянулся и рукой махнул, словно кинул в меня что-то. Я, конечно, поймал. Руки у меня ловкие, глаз острый, нервы железные. Оказалось, шарик беленький, на ощупь горячий. Я перекинул его с ладони на ладонь, как картошку печеную. А старик покивал, подошел, забрал у меня шарик и предложил стать его учеником.

Конечно, я поартачился для виду. Но потом все же остался. С меня не убудет, а тут на всем готовом живи, за постой не плати, да еще и учить будут премудростям. Красота.

Старик замер у стола, резко обернулся, поправил очки и строго взглянул на меня. Я зевнул, не разжимая челюстей, и кивнул. Дескать, слушаю. Тот сейчас же закивал в ответ и снова забегал взад и вперед, залопотал. Глаза мои сами собой закрылись. Большой беды не будет, если я чуток вздремну. А то притомился малость. А вечером еще в деревню соседнюю сходить хотел. Уж больно девки там хороши.

А вот и они, уже вокруг костра хоровод завели. Меня заметили, зашептались, захихикали, заприхорашивались. Я приосанился, конечно, иду, небрежно поплеываю, травинку покусываю. Эх, хороши чертовки. А как затеют через костер прыгать, взгляд не оторвать. Вот прошлый раз одна мне глянулась. Лихая девка, что ни говори. Так и сверкала черными глазами. Да вот же и она. Стоит в сторонке от подружек, косу на грудь перекинула, алую ленту теребит да на меня искоса поглядывает.

Я, знамо дело, тут же к ней и припустил, а она усмехнулась – и шмыг в хоровод. Я за ней, успел ухватить кончик ленты алой-то да за косу дернул. Девка обернулась. Лицо гневом так и пылает. Размахнулась да приложила меня ручкой будьте – нате. В голове зашумело, щека огнем налилась. Я моргнул, сгоняя невольную слезу, и обомлел. Вместо девки черноглазой передо мной старик стоит, учитель мой, насмешливо поверх очков поглядывает. Я было бросился прочь бежать, а он как закричит во всю глотку:

– Куда? А ну, вернись немедленно.

Я и вернулся. Затылком о стену стукнулся и с лавки вскочил. А старик из кресла на меня смотрит и усмехается:

– Проснулся, ученик? Что во сне привиделось?

И ленту алую в пальцах вертит. Я за пылающую щеку схватился, от ленты глаз не отвожу. Как же так? Или сон продолжается? Ущипнул себя за бедро, сморщился от боли, а старик ленту небрежно так в сторону откинул и снова меня разглядывать принялся.

Я только плечами пожал и обратно на лавку плюхнулся. Спросил с обидой:

– Виданное ли дело в чужие сны без спросу влезать?

Учитель вздохнул тяжело, бородашку потеребил и так неохотно ответил:

– Невиданное, действительно, но возможное, при определенной ловкости и сноровке. У тебя и того и другого в избытке... Учиться-то будешь?

– Буду, учитель, – первый раз его учителем назвал

Снова щеку потрогал и умоляюще на него глянул. Тот несколько мгновений разглядывал меня, словно раздумывал, прикидывал, взвешивал, а потом кивнул.

Перелистывая желтые хрупкие листы, испещренные серыми, выцветшими от времени строчками, Густав равнодушно подумал, что знает их содержание наизусть. Закрыв книгу, он поднялся и медленно спустился по скрипучим ступенькам беседки. Тридцать лет назад шестилетний Гуська, мчавшийся по каменному бесконечному лабиринту, в очередной раз свернув за угол, очутился посреди небольшого уютного двора. Тихо шептались листья высоких тополей, чуть поскрипывали качели, свисающие с могучей ветки старого клена, на крыше уютной беседки ворковали голуби. Мяч, все такой же яркий, сияющий, подкатился к старым ступенькам беседки и замер. Гуська поднял глаза. В беседке за столом, положив руки на большую книгу в темно-синем бархатном переплете, сидел Безликий. Он кивнул мальчику и поманил его пальцем. Обмирая от ужаса, Гуська поднялся по ступенькам, не в силах оторвать глаз от книги. А Безликий встал, положил руку ему на плечо и усадил на свое место.

– Все дело в том, что долина снов всегда одна и та же. Она неизменна и постоянна. Когда бы ты ни попал сюда, всегда увидишь одно и то же: поля, покрытые туманом, и мерцающую тропинку, пронизывающую всю долину насквозь. Эта тропинка приведет тебя в любой сон. Вернее, она позволит тебе к нему приблизиться. А вот чтобы проникнуть в чужое сновидение, ты должен будешь пройти лабиринт, – парнишка лет четырнадцати с густой шевелюрой и румянцем во всю щеку многозначительно взглянул на меня и продолжил голосом учителя. – Лабиринт может иметь любую форму, это уж зависит от твоего желания и воображения. Но как бы он ни выглядел, ты никогда не должен забывать, что у него есть страж...хранитель...в общем, свой Минотавр. Знаешь, кто это?

– Ага, – я торопливо кивнул, – парень такой, с головой быка.

– Вот-вот...что-то вроде этого. На самом деле, никто не знает, что такое этот Минотавр, потому что встретивших его никто никогда больше не видел.

Я судорожно сглотнул и спросил пересохшими губами:

– Но ведь я всегда могу проснуться, верно? И тогда никакой Минотавр не страшен.

– Верно-то верно, но если ты заблудишься в лабиринте, тот, кто проснется, тобой уже не будет никогда. Минотавр ведь сожрет не тело, а твой разум, – он весело рассмеялся, разглядывая мое перекошенное лицо.

– Наверняка есть хитрость, которая позволяет проходить лабиринт, – я схватил парнишку за локоть и заглянул ему в лицо. – И пока я не узнаю всей правды, с места не сдвинусь.

Старик усмехнулся своим молодым лицом, высвободил локоть и кивнул:

– Конечно, хитрость есть. В лабиринте множество поворотов. Чтобы не заблудиться, на каждом повороте надо называть одно из имен Бога Сна.

– Это тот список, который вы заставили меня вызубрить? – изумлению моему не было предела. – Эту абракадабру я никогда запомнить не смогу.

– А ты представь, как Минотавр лакомится твоим разумом, и память твоя сразу улучшится.

Мальчишка – ну, не мог я думать сейчас об учителе, как о старике – откровенно издевался надо мной. Он сделал еще несколько шагов по мерцающей пыльной дороге, и перед ним выросла зеленая стена ровно подстриженного кустарника.

– Это мой лабиринт. Таким его вижу я. А у тебя лабиринт должен быть свой. Придумай сам, и твое воображение будет каждый раз воспроизводить его в самых мельчайших подробностях.

Я задумался, разглядывая трепещущие от легкого ветерка листочки. Мы люди простые. Нам изыски ни к чему. А каким там был лабиринт у этого греческого парня? Живая стена подернулась дымкой, поплыла, и вот на ее месте выросли колонны, поддерживающие огромную каменную плиту.

– Живенько так, – кивнул мой спутник. – Что ж, Кносский дворец – не худший вариант. Идем?

Я кивнул, машинально сделал шаг по направлению к громадному зданию и вдруг замер:

– Подождите, учитель, но я ведь еще не до конца выучил список.

– Сегодня я буду рядом и помогу тебе. Но только сегодня.

– Как же так? – спрашивал Кир после очередного рассказа Гуськи. – Разве сон – это сериал? Не может быть, чтобы каждую ночь снился один и тот же сон.

– Не один и тот же, а продолжение, – поправляла Марта, во всем любившая точность.

Но Кир только нетерпеливо отмахивался. Он был старше друзей на два года, уже ходил в школу и ужасно сердился на Гуську, считая, что тот кормит их выдумками.

– Ну и фантазер же ты, Гуська! – фыркал Кир, досадливо морщась. – Книгу он читает во сне. Но ты ведь не умеешь читать!

Это открытие настолько обрадовало его, что он расхохотался и стукнул себя ладонями по коленям.

– Не умею, – покладисто соглашался Гуська. – Но во сне может быть все, что угодно. Там я умею читать.

– Конечно, – радостно подхватывала Марта и дергала Кира за руку. – Не хочешь – не слушай. Расскажи еще, Гуська, расскажи про Минотавра.

Коридор извивался, как змея, тени на стенах, освещенных чающим светом факелов, кривились в безмолвном танце.

– Гипнос...

Переведя дыхание, я замер, давая ногам отдых, и тут же услышал торопливые шаги за спиной. Нет, надо бежать, быстрее, еще быстрее.

– Морфей...

Хриплое дыхание преследователя неожиданно послышалось из соседнего коридора. Не может быть. Он же был сзади.

– Фобетор...

Старик, предатель, заманил меня в ловушку. Силы у него, видите ли, на исходе. Не справится он сам. Не может ли ученик оказать ему услугу, которая и будет платой за обучение? А ученик, идиот, конечно же, согласился.

– Фантаз...

Нет ничего проще, чем убить человека во сне. Надеваешь любую личину, проникаешь в его сон и убиваешь. Хочешь, ножом, или ядом, или копьем, стрелой. Можешь столкнуть его с крыши или утопить, продырявив днище лодки. В реальности человек просто не проснется. Никаких тебе следов и доказательств убийства. Вот только у мертвеца на виске расцветает синий бутон. Ну, да что там. Синяк и синяк. Никто и не заметит. Никто, кроме магов, умеющих в сны проникать.

– Унтамо...

Они, эти маги, себя защищают, свои сны на семь засовов запирают, так просто не подобрешься к ним, если только подловить, когда они в долину снов прогуляться отправятся. Однако сидеть в засаде – дело неблагодарное. Проще их выманить. Но как? А старик и подсказал.

– Бута...

Отстал, вроде? Можно дух перевести. Сердце колотится, как сумасшедшее. Недаром я всегда магии-то чурался. Эх, старик – старик... соблазнил, затянул в омут. Теперь выплывать придется. Убил я братьев мага, на которого учитель указал. Во сны проник и убил. Одного ножом зарезал, прикинувшись торговцем пряностей. Очень уж он до них охочий был, вот и снился ему восточный базар. Другого отравил, подмешав яд в кальян. Тот во сне опийный притон навестил, ну, там и помер. А третьего лошадь понесла. Он по пустошам с Дикой охотой носился, кровь разгонял. Ну, и сломал шею. А кобыле его колючку под хвост я пристроил.

– Бэс...

Вроде, все просто. Три смерти, три синих бутона на мертвых висках. Вызов на поединок. Вот только старик не сказал, что противником поединщиков будет Минотавр. Мы вошли в лабиринт, каждый в свой, и бежим по нему, слыша дыхание друг друга. А вот кого страж выберет, кого сожрет, а кого отпустит восвояси – сие нам не ведомо.

– Нитур...

И поделать ничего нельзя. Получается, я сам вызов бросил, он перчатку поднял, отступать некуда. Если пойду на попятный, так и так Минотавр сожрет, а тут все же шанс есть... Эх, выберусь живым из передраги, закрою свой сон на тысячу замков и больше в долину ни ногой. Только бы выбраться...

– Аламэдас...

– Ну, скажи, а почему у убитого обязательно появлялся на виске синий бутон? А? – в вопросе явный подвох, но Гуська старается его не замечать

Он закрывает глаза, и строчки из старой книги оживают перед его внутренним взором:

– Все очень просто. Старый маг сказал, что сон похож на бутон розы. Осторожно перебирая ароматные лепестки, можно добраться до сладкой сердцевины. Если сумеешь, у тебя будет все: и прекрасный цветок, который вот-вот распустится, и аромат, кружащий голову, и нектар, который найдешь на донышке цветка.

– Донышко цветка! – кривит губы Кир. – Донышко!

Гуська обиженно сопит. Наверное, не стоило рассказывать Киру о своих снах. Тот теперь поглядывает на друга свысока, все норовит уколоть. И Марта, хотя и слушает внимательно, приоткрыв рот, но тоже не верит ему. Гуська и сам не очень верит себе,

вернее, не все понимает, о чем рассказывает. Но он обязательно разберется во всем. И докажет Киру, что не выдумывает и не врет. Обязательно.

Сиреневые сумерки расцвелись оранжевыми огнями бумажных фонариков. Потягивая из высокого пластмассового стакана прохладный лимонад, Кир бездумно следил за жонглером в костюме арлекина. Пылающие булавы мелькали в воздухе, складываясь в причудливые фигуры, а вокруг шумела пестрая, ни на мгновение не умолкающая толпа. Поправив маску, которая все время сползала, закрывая обзор, Кир допил лимонад и оглянулся, соображая, куда бы пристроить пустой стакан. Оказавшийся за его спиной высокий человек в темно-коричневом камзоле, расшитом серебром, вежливо приподнял треуголку, В прорезях черной полумаски ярко блеснули отразившимися огнями влажные глаза.

Кир машинально кивнул и попытался обойти незнакомца, но тут раздался громкий хлопок, и небо над площадью осветилось огнями фейерверка. Следя взглядом за разрастающимися в небе цветами, Кир попытался все-таки протиснуться сквозь толпу, наткнулся ребром на чей-то острый локоть, судорожно вздохнул, хватая губами воздух, и провалился в черноту.

Серые тучи, с утра тяжело висевшие над самой головой, разразились, наконец, мелким нудным дождем. У кладбищенских ворот Густава нагнала Марта. Крепко уцепившись за его локоть, она торопливо, как будто боясь, что ее остановят, заговорила срывающимся голосом:

– Кир, Кир... Не могу поверить. Он ведь был совершенно здоров. Ну, как можно быть здоровым в нашем возрасте, конечно.

Марта шмыгнула носом, благодарно кивнув, взяла протянутый Густавом платок, и, вытирая влажные щеки, продолжила:

– Он же перед поездкой специально всех врачей обошел. Я смеялась, а он так гордо справочки передо мной на стол выложил. Что же произошло? Я ничего не понимаю.

Густав угрюмо кивнул. Через пару дней они втроем уже гуляли бы по Венеции. Это была давняя мечта Кира – всем вместе побывать на карнавале, прокатиться на гондолах, побродить вдоль каналов.

– Мы же накануне с ним весь вечер обсуждали поездку, он радовался, как ребенок. Все приговаривал, что, наконец-то, и тебя удалось уломать. Список составлял, как бы чего не забыть, – Марта всхлипнула, вцепившись зубами в платок, и помотала головой.

Светлые прядки выскользнули из-под черной косынки и уныло повисли вдоль щек. Густав погладил холодные пальцы, судорожно сжимающие его локоть. Он не знал, как утешить Марту. Слова будут бесполезны, а вернуть друга он не мог.

Выруливая со стоянки, Густав сосредоточился на дороге. Он довезет Марту до ресторана, где должны пройти поминки, а сам поедет к себе. Находиться сейчас среди жующих и выпивающих людей было выше его сил. Он покосился на продолжавшую монотонно говорить женщину, потом аккуратно влился в поток машин и вскоре уже высаживал ее у высокого крыльца с позолоченными перилами.

– Ты точно не пойдешь? Ну, смотри, тебе видней, – Марта устало махнула рукой, поправила косынку и обняла Густава. – Как же мы теперь будем жить? Боже мой, у него было такое умиротворенное лицо. Если бы не синяк, даже счастливое.

– Синяк? Я не понимаю, о чем ты?

– Ну, Кирилл же скончался от кровоизлияния в мозг. Синеяк на правом виске – наверное, сосуды лопнули. Ты не видел?

– Я...я не разглядывал, – пробормотал Густав, пряча глаза.

– Странный синеяк...мне показалось, что он похож на нераскрывшийся бутон... Совсем как в той сказке, что ты рассказывал тогда, в детстве... Не помнишь?

Марта давно уже скрылась за стеклянной дверью, а Густав все стоял, бездумно крутя на пальце ключи от машины.

– Алло, Густав? У меня тут идея одна проклюнулась. Помнишь, ты нам с Мартой в детстве сны свои рассказывал? Ну, там, лабиринт, Минотавр, убийство, бутон на виске? Вот...мы тут отделом большую статью готовим для научно-популярного журнала о природе сновидений. Я думаю твою историю как показательный пример буйства фантазии неуравновешенной личности привести. Иллюстративно. Не будешь возражать? В Венеции, кстати, обговорим подробнее. Ты собрал вещички уже? Собирай. Камеру не забудь. Ну, пока-пока...и автоответчик прослушивай хотя бы иногда.

В заиндевшее окно бьется ветер, бросает горстями сухой колкий снег, а в комнате уютно и тепло. Потрескивают дрова в печи, на столе мягкий оранжевый кружок света, что падает из-под нитяного абажура старинной лампы. Теплая шаль с пушистыми кистями согревает плечи, и на душе так легко и спокойно, как всегда, когда она приезжает в дом тетушки. Та сейчас на кухне, готовит неизменный чай с вареньем, а потом будут разговоры до утра, и пасьянс, который обязательно сойдется должным образом, и сетование на ее, Марты, безмужную судьбу.

Вот дверь, чуть скрипнув, приоткрывается, и в дверном проеме появляется поднос, уставленный вазочками и блюдечками с лакомствами. Марта вскакивает, роняет шаль и перехватывает тяжелый поднос из старческих рук. Пока тетушка, воркуя, разливает чай в тонкостенные фарфоровые чашечки, Марта, накладывает на блюдечко варенье. Тягучее, густое, прозрачное, оно тянется за ложечкой, и невозможно отвести взгляд. Марта подставляет под ложечку палец, а потом, зажмурившись от удовольствия, слизывает с него сладкую каплю. Очень вкусно. Вот только сегодня варенье немного горчит. Наверное, орехов оказалось в нем слишком много. Открыв глаза, она натолкнулась на внимательный взгляд. Тетушка смотрела холодно и равнодушно, как никогда раньше. Сглотнув горькую слюну, Марта без сил уронила руки на стол, чувствуя, как ее подхватывает бушующий за окном холодный ветер и уносит, уносит...

Я уйду. Котомка за плечами на редкость легкая. Ничего не хочу брать из этого дома. С удовольствием забыл бы раз и навсегда последний год, прожитый в нем. Но знаю, что это невозможно. Старик-учитель, изменивший мою жизнь, мирно спит в своем любимом кресле. Я заглянул к нему перед уходом. Лицо спокойное, отрешенное. Даже синий бутон на виске не смотрится чужеродно. Его больше не волнуют интриги, завистники, враги и друзья. Там, где его разум обитает сейчас, все равны.

А я...я уйду. Меня тоже теперь не будут волновать ни друзья, ни враги, ведь их просто не будет. От ныне живущих избавился, а будущих не предвидится. Минотавр не сожрал мой разум. И преемника старик готовил не себе. Минотавр...что ж...у меня теперь много свободного времени и полная власть над снами всех живых. И имен у меня теперь

много. А уж я постараюсь, чтобы они почаще звучали в коридорах моего дворца. А однажды, но очень не скоро, я тоже найду себе преемника. Выберу сам. И подготовлю.

У калитки я остановился, оглянулся. Никто не смотрит вслед. Не провожает. Что ж, так и надо. Сорвал с куста розовый бутон. Погладил пальцем шелковистые лепестки, вдохнул аромат, резко сжал его в кулаке, а потом дунул на раскрытую ладонь. Мятые лепестки, точно бабочки, разлетелись в стороны и закружились, подхваченные ветром.